

Глава 8. Свои расчёты

Юй Уцюэ честно отлежал в постели три дня. Просыпался, ел, снова засыпал — и так по кругу, точно боров на откорме.

Он успел познакомиться со всеми десятью братьями семейства Ся. Они без устали сновали туда-сюда, ухаживали за ним предупредительно и вежливо, но им явно не хватало... человечности. Живой искры в них не чувствовалось вовсе.

Впрочем, целебные отвары Истинного человека Юнлэ творили чудеса: уже через три дня Уцюэ смог самостоятельно садиться в постели.

В этот день Кунчжи снова принес ему лекарство.

— Почему вы поднялись, молодой господин? — изумился слуга, переступая порог. — Вам сегодня лучше?

— Гораздо лучше! — Уцюэ беззаботно улыбнулся во весь рот.

Кунчжи оглядел постель, засыпанную стружкой, и замер в изумлении:

— Чем это вы здесь занимаетесь?

— Да вот, заметил, что у Ся Сы локтевые шарниры совсем истерлись, — пояснил юноша, не отрываясь от работы. — Решил вырезать новые, да и остальным братьям заодно детали обновить.

Прямо на одеяле у него стоял огромный плетеный поднос, который, Впрочем, слабо спасал от разлетающихся во все стороны щепок. Рядом, на тлеющих в жаровне углях, грелась небольшая глиняная чаша, наполненная вязкой жидкостью темного золота.

— Здесь слишком сыро, — рассуждал Уцюэ, орудуя резцом. — Без защитного покрытия дерево быстро сгниет. Я заметил, что Бессмертный Тайвэй покрывает марионеток особым лаком, но за Ся Сы и другими, видать, давно никто не ухаживал. Старый слой совсем сошел. Вот, наношу свежий. Тебе, кстати, не обновить?

— Так вот, оказывается, что было во всех тех баночках и кувшинах, которые доставили из-под горы, — пробормотал Кунчжи.

Слуга бережно взял выточенную деталь и принялся разглядывать. Работа была выполнена на диво искусно. Но больше всего Кунчжи поразил состав: этот водоотталкивающий лак Хэ Бугуй в свое время выводил неделями, без сна и отдыха перепробовав сотни алхимических снадобий,

пока не нашел идеальную формулу. Поверить трудно, что какой-то юнец сумел с ходу воссоздать нечто подобное.

— Благодарю за доброту, молодой господин, но личные слуги проходят обслуживание в строго определенное время. И делать это должен исключительно хозяин, посторонним прикасаться к нашим механизмам запрещено.

Рука Уцюэ на мгновение дрогнула.

— А за то, что я чиню Ся Сы и его братьев, Бессмертный на меня не разгневается?

— Не беспокойтесь. То, что вам нравится возиться с деревом, даже к лучшему. Хозяин велел передать вам вот это, — Кунчжи протянул увесистую тетрадь. — Как только ваши ноги окончательно окрепнут, все эти заботы лягут на ваши плечи.

Уцюэ принял толстый фолиант, небрежно перелистнул несколько страниц и остолбенел.

Внутри громоздился список из трех сотен дел, причем мельчайших и совершенно нелепых. Ладно еще требования вроде «вымыть каждый лист кувшинки в пруду» или «начистить до блеска каждый волосок в гриве каменных львов у моста» — это хотя бы поддавалось логике. Но дальше начиналось сущее безумие: «уложить чайники для утреннего чая Бессмертного строго в одном направлении» или «приготовить воду для купания так, чтобы в ней было три доли цветочного аромата, три доли травяного и четыре доли — чистейшего соблазна».

На обложке красовалось строгое заглавие: «Книга важнейших дел», однако само содержание вопило о том, что автору просто нечем было заняться, и он выдумывал задания исключительно из вредности.

Судя по всему, кроме как запираť двери и избивать нерадивых учеников, Хэ Бугуй не знал иных способов изводить людей, а потому наспех состряпал ворох бессмысленной работы, лишь бы держать нарушителя на коротком поводке.

Уцюэ изобразил на лице вымученное подобие улыбки и процедил сквозь зубы:

— Ученик принимает наказание. Покорно прошу передать Бессмертному: результат превзойдет все его ожидания.

За все время, пока Уцюэ поправлялся, Хэ Бугуй ни разу не поинтересовался его состоянием. Если бы не Кунчжи, то и дело приходивший с докладами, хозяин дворца и вовсе забыл бы, что держит под замком пленника.

Сам Бессмертный Тайвэй безвылазно сидел в главном зале, увлеченный работой. Обстановка вокруг него мало чем отличалась от той, что царила в покоях Уцюэ: тот же пол, заваленный щепками и опилками, те же жаровни, в которых грелся лак, и стеллажи с заготовками. Время от времени тишину нарушал сухой стук сталкивающихся бамбуковых трубок.

Он сидел прямо на грязном полу, скрестив ноги, и мог проводить в одном положении долгие часы.

Дверь тихо отворилась, и вошел Кунчжи.

— Хозяин, молодой господин Юй снова просит инструменты.

Этот несносный мальчишка то просил шлифовальный станок, то требовал плавильную печь, то заказывал запальные трубки — аппетиты у него росли как на дрожжах. Кунчжи еще в первый день получил строгое указание: пока раненый восстанавливается, не наказывать его и выдавать все необходимое без лишних расспросов. Обычно слуга просто приносил вещи, но сегодня, похоже, дело приняло иной оборот.

Раз уж Кунчжи пришел лично спросить разрешения, значит, на этот раз наглец позарился на что-то действительно редкое.

Хэ Бугуй отрешенно поднял взгляд от работы:

— Что он там затеял? Ему ведь до сих пор не сойти с постели.

— Молодой господин Юй не умеет сидеть сложа руки, — пояснил Кунчжи. — Не имея возможности встать, он соорудил верстак прямо на коленях и принялся собирать марионеток. Помимо починки сломанных, он успел перебрать всех слуг в Саду Летнего Дождя — смазал им суставы и обновил защитное покрытие. Нам теперь не придется проводить ежегодный осмотр.

Хэ Бугуй промолчал, лишь слегка приподнял бровь.

— Еще он просит выдать ему русалочий шелк и чернильную траву. Говорит, хочет создать марионетку в виде хитрого кролика и поместить туда его душу. Он давно искал для зверя новое прибежище, но не имел средств на покупку столь редких материалов. Узнав, что они есть у нас, решился спросить. Но вещи эти слишком ценные, я не осмелился отдать их без вашего дозволения.

Русалочий шелк шел на имитацию нежной кожи, а чернильная трава заменяла мех. Обе диковины добывались из темных морских глубин и считались лучшими материалами для создания биоморфных марионеток. На рынках за одну только унцию давали по пятьдесят кусков красного нефрита. Обычные мастера предпочитали тратить силы и золото на боевые характеристики или подвижность своих творений, а столь тонкая эстетическая работа, как

внешняя имитация живого существа, требовала баснословных затрат, на которые мало кто решался.

Лишь признанные гении вроде Хэ Бугуя, доводившие каждую мелочь до абсолюта, могли позволить себе подобную роскошь. Каждое его детище становилось произведением искусства, хранящим чистую и искреннюю страсть истинного творца.

Именно поэтому любые его работы, от крошечных игрушек до колоссальных боевых механизмов, ценились на вес золота. Галерея Тысячи Журавлей ежегодно устраивала в самом сердце города грандиозные торги ради одного лишь права сделать заказ у мастера. Самым дорогим лотом в истории стала защитная храмовая марионетка — изгоняющий демонов зверь-хранитель Фансян, ушедший с молотка за баснословные восемьсот тысяч золотых нефритов. Ради обладания творениями Бессмертного праведные ордена не раз проливали кровь в жестоких уличных стычках.

Парящий дворец по праву считался самой богатой обителью во всем Дворце Небесного Предела. Здесь хранились несметные сокровища, однако раздавать их первому встречному никто не собирался.

То ли в памяти Хэ Бугуя до сих пор звучали упрямые слова «эти кролики — моя семья», то ли его тронуло искреннее рвение юноши к ремеслу, но после недолгих колебаний он кивнул:

— Заведи на него долговую книгу, Кунчжи. Отныне выдавай ему все, что он попросит, невзирая на цену. Но записывай каждую крупицу до последнего медяка.

— Но молодой господин Юй происходит из весьма скромной семьи, — резонно возразил слуга.

— Боюсь, он не сумеет расплатиться даже за одну унцию чернильной травы, не говоря уже о будущих тратах.

— А я и не жду, что он вернет долг золотом, — равнодушно отозвался Хэ Бугуй с истинно монаршим великодушием. — Пусть берет то, что нужно для дела, но твердо знает цену каждому гвоздю. Лишь задолжав, он поймет, что блага не сыплются с небес за красивые глаза.

Немного помолчав, Бессмертный поинтересовался:

— Сколько сейчас платят чернорабочим у подножия горы?

— Чернорабочим самого низшего разряда полагается по сто кусков охряного нефрита в месяц, — ответил Кунчжи.

— Вот и отлично. По этой ставке и вычитай из его долга.

Тысяча охряных нефритов приравнивалась к одному красному. Одна унция чернильной травы

стоила пятьдесят красных. Произведя в уме несложные вычисления, Кунчжи пришел к неутешительному выводу: чтобы расплатиться за один только мех для кролика, Юй Уцюэ придется гнуть спину на благо Парящего дворца добрых сорок лет.

— Хозяин проявляет глубокую мудрость, — почтительно произнес слуга. — Подобное испытание закалит характер молодого господина Юя.

Особой мудрости тут, конечно, не было — Хэ Бугую просто требовалось оправдание для собственной щедрости. Поделиться ценными запасами с талантливым юношей было безмолвным жестом признания между коллегами по ремеслу. Однако Бессмертный Тайвэй меньше всего хотел, чтобы его душевный порыв заметили и истолковали превратно.

Стоит задолжать кому-то благодарность, как между вами неизбежно возникнет опасная, ненужная близость.

Юй Уцюэ оставался для него чужаком. И если этому мальчишке суждено чувствовать себя должником, то пусть лучше его долг измеряется звенящей монетой, а не душевной привязанностью.

— Ближайшие дни я буду занят, — холодно добавил Хэ Бугуй. — В зал никого не впускать. Пусть марионетки-лекари будут наготове. Объяви всем: я никого не принимаю.

— Слушаюсь.

Спустя еще три дня Кунчжи в сопровождении безмолвных лекарей направился в Сад Летнего Дождя.

Шесть дней неподвижности принесли свои плоды: Уцюэ шел на поправку семимильными шагами. Внешние раны затянулись, огненный яд из костей удалось вывести подчистую, однако выжженная плоть восстанавливалась медленно. Когда марионетка-лекарь осторожно срезала старые повязки, обнажившийся белый сустав заставил Уцюэ невольно вздрогнуть.

Кунчжи мягко, но уверенно прижал его за плечи к постели:

— Потерпите, молодой господин. Как только мы уберем остатки снадобий, придется применить технику регенерации плоти. Будет чертовски больно, зато вы получите совершенно здоровую ногу.

Уцюэ уселся поудобнее, страдальчески сморщился и вцепился пальцами в край одеяла.

— Слыхал я об этом искусстве. Это же тайное мастерство Истинного человека Юнлэ! Неужто обычные куклы способны его повторить?

Кунчжи лишь едва заметно улыбнулся:

— Наш хозяин владеет этим искусством, а значит, владеем и мы. Техника была слегка изменена — изначально Бессмертный создал ее для починки поврежденных марионеток, но поскольку ваши кости уцелели, она идеально подойдет и вам. Иначе пришлось бы снова беспокоить Истинного человека Юнлэ. Начинаем. Постарайтесь не шевелиться.

Марионетки Жэньдун и Фуфан шагнули вперед. Их серебряные лезвия замелькали в воздухе, методично срезая омертвевшие лоскуты кожи и мышц. Уцюэ приготовился к невыносимой пытке, но движения бездушных лекарей оказались на диво точными и стремительными. Они действовали хладнокровно, направляя силу в самые кончики пальцев и убирая поврежденные ткани в считанных долях миллиметра от обнаженной кости. Это была не просто медицинская процедура, а настоящее искусство, исполненное с пугающим изяществом.

Завороженный безупречной работой кукол, Уцюэ так пристально следил за каждым их движением, что умудрился перетерпеть даже самую пронизывающую боль.

Обычно создатели марионеток, владея мастерством в совершенстве, способны передать своим творениям едва ли треть своих навыков, да и то после долгих лет изнурительных настроек. Но марионетки Хэ Бугуя владели сложнейшей техникой регенерации так, словно родились с этим знанием. От подобного зрелища захватывало дух.

Да что там куклы — далеко не каждый заклинатель из плоти и крови способен на такое без феноменального контроля над духовной энергией. К тому же техника принадлежала Истинному человеку Юнлэ, великому мастеру, достигшему стадии Махаяны. Постичь столь тонкие манипуляции мог лишь тот, кто ничуть не уступал ему в силе, а возможно, и превосходил его.

Вывод напрашивался сам собой: духовные каналы марионеток были неразрывно связаны с источником сил самого Бессмертного Тайвэй. Марионетка, разделяющая единый исток со своим создателем, становится его истинным продолжением, верным орудием. Уцюэ всегда стремился достичь этого в собственных изысканиях, но лишь сегодня воочию увидел то, о чем прежде смел лишь грезить.

— Слушай, Кунчжи... — не выдержал Уцюэ. — А внутри вас тоже установлены накопители вроде душевных ядер?

Они не нуждались в направляющих нитях духовной силы, обладали собственным разумом и с легкостью применяли сложнейшие заклинания. Другого объяснения Уцюэ просто не находил. Он терпел несколько дней, но любопытство взяло верх. Заметив, как Кунчжи уклонился от ответа, юноша победно прищурился: попал в точку!

— Готов поспорить, это устройство связывает вас напрямую с разумом Бессмертного. Все, что слышите вы, слышит и он. Ваши слова — его воля. Значит ли это, что вы способны повторить половину его боевого арсенала?

Кунчжи бросил выразительный взгляд на растопыренную пятерню Уцюэ и сухо уронил:

— Все сто процентов.

Уцюэ так и застыл с открытым ртом.

Вот оно какое — легендарное мастерство величайшего кукольника поднебесья!

— Ну же, колись, как устроено это ваше ядро?.. Ай!

Марионетки-лекари убрали ладони, прекратив подачу духовной силы. Растерзанная нога выглядела безупречно: кожа вновь стала белой и гладкой, словно кость никогда и не обнажалась. Молодая плоть оставалась еще слишком чувствительной — от малейшего прикосновения ткани штанов по телу пробегала волна зуда и легкой боли. Воспользовавшись тем, что Уцюэ разинул рот, Кунчжи ловким движением забросил ему на язык горькую пилюлю.

— Меньше спрашивайте, молодой господин. Хозяин не жалуется излишне любопытных. Ну вот и все. Отдохните еще денек, а завтра, будьте любезны, приступайте к делам из Книги. Я пойду.

В первый же день после выздоровления Уцюэ, истосковавшийся по свободе за время вынужденного заточения, выкатился наружу точно каторжник, получивший долгожданную амнистию.

К счастью, у него имелся железобетонный повод для прогулки — осмотр вверенной ему территории.

Кунчжи со всем возможным терпением вызвался провести его по самым потаенным уголкам Парящего дворца.

Попытка подняться на мече к главному залу, дабы вежливо поприветствовать Бессмертного Тайвэй, закончилась бесславным падением — защитный барьер отшвырнул наглеца без лишних церемоний. В остальном же ознакомительная экскурсия прошла без сучка и задоринки.

Уцюэ то и дело изумленно озирался по сторонам, чувствуя себя деревенским простаком на ярмарке.

Помимо главного чертога, Парящий дворец делился на четыре просторных сада, носивших поэтичные имена: Сад Весеннего Цветения, Сад Осенних Плодов, Сад Зимнего Грома и Сад Летнего Дождя.

Сад Осенних Плодов служил складом для хранения марионеток и боевых машин. Уцюэ уже успел оценить изящество работы мастера на примере Кунчжи, но увидеть исполинские механизмы вблизи ему довелось впервые. Прославленные на всю поднебесную механические чудовища, созданные для истребления скверны, выстроились перед ним нескончаемыми рядами. От этой величественной картины сердце юноши сжалось от сладкой зависти.

Когда же они дошли до Сада Весеннего Цветения, Уцюэ и вовсе лишился дара речи от царившей там роскоши. В бесчисленных ларях и сундуках хранились редчайшие ресурсы, за которые любой мастер на большой земле отдал бы жизнь. Стало понятно, почему Бессмертный так легко расстался с русалочьим шелком и чернильной травой: для обладателя подобных сокровищ эти крохи были лишь мелкой пылью под ногами.

Сад Зимнего Грома предназначался для испытания боевых игрушек и тренировок, а Сад Летнего Дождя отводился под гостевые покои, где сейчас и квартировал Уцюэ.

Обойдя владения, Уцюэ ухватился за резной косяк двери, и в его голове зашевелилась дерзкая мысль.

Разве такой непревзойденный творец, как Хэ Бугуй, не мечтает передать свои божественные знания достойному преемнику?

А если мечтает, то найдется ли во всем мире кандидат на роль ученика лучше, чем он сам?

Да ни за что!

— Скажи, Кунчжи, — с самым невинным видом поинтересовался Уцюэ. — Твой хозяин не думает набрать учеников?

Тот слегка опешил от такой наглости:

— Наш хозяин не берет учеников.

— Это еще почему? — Уцюэ выпрямился во весь рост и горделиво выпятил грудь. — Ну посмотри на меня. Чем я плох?

— Вы прекрасны, молодой господин. И собой хороши, и отваги вам не занимать, — Кунчжи вежливо прикрыл рот рукавом, сдерживая смех. — Но хозяин непреклонен. Впрочем, не расстраивайтесь: в Парящем дворце для вас уже нашлось достойное место. Чернорабочим хотя бы платят, а вот ученикам монеты не положены. Так что вы даже в выигрыше.

«Надо же, — угрюмо подумал Уцюэ, — даже бездушная кукла научилась язвить!»

Прозябать на побегушках с его-то талантом казалось сущим преступлением против здравого смысла.

Хотя, если рассудить здраво, Бессмертному Тайвэй наверняка требовался тихий и послушный преемник. Кому захочется возиться с оболтусом, который при первой же встрече лишил жизни его любимого духовного зверя?

Уцюэ все сильнее раскаивался в собственной несдержанности. Не стоило так рьяно махать мечом. Однако стоило ему вкусить роскоши Парящего дворца и осознать подлинное могущество Бессмертного Тайвэя, как идея навязаться к нему в ученики пустила в его голове глубокие корни.

Костяшки счетов в его разуме защелкали с удвоенной силой. Раз уж Хэ Бугуй назначил наказание, нужно из кожи вон вылезти, но показать себя с лучшей стороны. Так он не только заслужит прощение, но и, глядишь, заставит Бессмертного сменить гнев на милость. Если повезет — его примут в орден, и он постигнет великие тайны мастерства. А если нет... Что ж, даже пара скупых советов от живой легенды заменят ему десять лет самостоятельных блужданий в потемках.

Последующие дни Уцюэ, ведомый заветной целью, трудился не покладая рук, точно одержимый. Он до блеска выметал палую листву у библиотеки, полыл сорняки на тренировочной арене, колол дрова для кухни и без усталости ухаживал за беременным хохлатым ибисом, что гнезвился неподалеку.

Он увлеченно вычеркивал строчку за строчкой из Книги, но забот только прибавлялось. Когда птица благополучно отложила яйца, на плечи новоиспеченного помощника легла еще одна почетная обязанность — следить за кладкой.

Работа была непыльной, но требовала унылого физического труда. К вечеру, возвращаясь в Сад Летнего Дождя, Уцюэ буквально валился с ног, а его голова оставалась абсолютно пустой. Местная стряпня, которую приносили слуги, изо дня в день отдавала одним и тем же пресным вкусом — придраться вроде не к чему, но и удовольствия никакого.

За полмесяца таких трудов он заметно осунулся и похудел.

Кунчжи, решив, что юноша усердствует из-за пустого кошелька, расщедрился и выдал ему десять охряных нефритов в награду за помощь в родовспоможении птице.

Уцюэ, однако, эта награда не принесла особой радости. За все время он не то что похвалы от Хэ

Бугуя не дождался — он даже тени его не видел.

«Если так пойдет и дальше, — уныло размышлял он, — никаких знаний я не выучу, а лишь наживу мозоли да крепкие мускулы. Я сюда совершенствоваться пришел или в качестве тяглового скота нанялся?»

В один из дней, когда он увлеченно махал колуном в дровянике, со стороны ограды донесся странный шорох.

— Уцюэ! Насилу тебя отыскал! — из-за забора высунулась взъерошенная голова Юэ Тинфана, увешанного узлами и свертками. Увидев друга живым, он едва не разрыдался от избытка чувств. — Ты как? Живой? До нас дошли слухи, будто тебя тут забили до полусмерти!

— Тинфан! — Уцюэ отбросил топор в сторону и бросился к ограде. — Какими судьбами? Ого, неужто это все мне? Давай сюда скорее, я на местной пресной похлебке скоро волком завою!

Не заботясь о чистоте одежды, они уселись прямо на щепки у поленницы. Изголодавшийся Уцюэ принялся жадно уплетать принесенные лакомства, ухмыляясь с набитым ртом.

Тинфан бесцеремонно задрал штанину друга, осматривая рану. Увидев, что от страшных ожогов остались лишь едва заметные розовые следы, он облегченно выдохнул:

— Истинный человек Юнлэ рассказывал нам про жар Горы Алого Золота. Страшное дело! Хорошо, что у тебя тело такое крепкое, заживает все как на собаке.

— Лекарства Истинного человека Юнлэ творят чудеса, да и Бессмертный Тайвэй приглядывал за мной в первые дни, так что я давно в полном порядке.

— Ешь медленнее, глупец! Это же припасы на целый месяц. Если уплетишь все за день, потом опять лапу сосать будешь?

— Жизнь коротка, надо радоваться моменту, — отмахнулся Уцюэ, верный своим привычкам. — Давай решать проблемы по мере их поступления. Лучше скажи: как тебя вообще сюда пустили? Парящий дворец ведь закрыт для посторонних.

— Наш шифу ходил на поклон к главе дворца Баю, а тот уже просил за тебя перед Бессмертным Тайвэем. Только ради этого мне позволили навещать тебя раз в месяц.

Тинфан достал платок, брезгливо вытер перемазанную мордашку друга и удрученно вздохнул:

— Учитель больше не пытается вымолить для тебя прощение. Сказал, это бесполезно. Велел только передать еду и одежду.

Уцюэ лишь неопределенно угукнул, продолжая жевать.

Глядя на то, с какой жадностью друг набивает рот мясом, Тинфан окончательно уверился в худших слухах: беднягу Уцюэ в Парящем дворце не только высекли, но и морят голодом, заставляя с утра до ночи гнуть спину, переписывать свитки и стоять на коленях в сырых углах.

Сам изнеженный молодой господин Юэ не знал тягот страшнее этих, а потому, примерив подобную участь на себя, едва не разрыдался от жалости к названному брату.

— Уцюэ, раз уж Бессмертный разрешил видеться лишь раз в месяц, значит, держать тебя здесь будут долго. Боюсь, ты пропустишь даже Совет Облачной Вершины. А ведь Лин Сяо вот-вот примут в личные ученики, это же такое событие! Мы ведь обещали, что соберемся все вместе и отпразднуем это кувшином хорошего вина.

О таком Уцюэ, разумеется, не забыл. Лин Сяо, как и Тинфан, был его верным другом с самого детства. Разве мог он пропустить триумф названного брата?

Но суровая реальность быстро остудила его пыл, заставив нахмуриться.

— Бессмертный подкинул мне целую Книгу мелких пакостей. Больше трех сотен поручений, и пока я все не выполню, о спуске с горы можно и не мечтать. Да и потом не факт, что отпустит.

— Что за вздор? — понизив голос до шепота, возмутился Тинфан. — Разве это наказание? Он просто издевается над тобой!

Но Уцюэ, в голове которого уже зрел хитрый план по вступлению в ученичество, смотрел на вещи иначе. Какое там издевательство — это же самое настоящее испытание воли!

— Не мели чепухи, — отмахнулся он. — У Бессмертного на все свои причины. Я сделаю все в лучшем виде. Насчет Лин Сяо обещать не буду, но постараюсь вырваться.

Тинфан с сомнением покосился на него:

— Ну смотри сам. Напиши список того, что тебе нужно, я принесу в следующий раз. И вот еще, припрячь подальше. Учитель передал мази от ушибов и растяжений. Самые лучшие. Если этот ледяной старик снова решит приложить тебя плетью...

— Мог бы учитель верить в меня чуточку больше, — проворчал Уцюэ.

— Зря ты так. Наш шифу переживает. О скверном характере Хэ Бугуя легенды ходят. Учитель боится, что ты по глупости снова наговоришь ему лишнего и огребешь по полной программе.

— Тут он явно переоценивает мою значимость, — хмыкнул Уцюэ. — Я здесь без малого месяц, а видел Бессмертного лишь однажды, когда получал плетей. Он меня на дух не переносит и близко не подпускает. Как я могу его разозлить, если мы даже не пересекаемся? Кстати, ты когда пришел, заходил к нему выказать почтение? Он тебя принял?

— Нет, куда там. Страж на входе сказал, что Бессмертный нездоров и никого не принимает. Я ведь даже принес целебные снадобья от главы дворца Бая, но их забрали на пороге. Из самого зала так разило отварами, что дышать трудно.

Уцюэ удивленно приподнял брови:

— Заболел?

Он вопросительно повернулся к Ся И, стоявшему неподалеку. Тот ответил бесстрастно и лаконично:

— Да. Хозяин нездоров.

— Что за недуг? Все серьезно? Давно он слег? Может, ему нужна помощь?

Марионетка лишь покачала головой, сославшись на неведение, и строго-настрого запретила Уцюэ совать нос в дела Бессмертного.

Тинфан хмыкнул, глядя на суету друга:

— Ну ты и подлиза.

— Да что ты понимаешь!

Кодекс идеального будущего ученика гласил: забота о больном наставнике — первостепенный долг. К тому же Хэ Бугуй, пусть и своеобразно, но выгородил его перед другими старейшинами во время инцидента с кроликом. Долги следовало возвращать.

— Молодой господин Юэ, — прервал их Ся И. — Солнце садится. Время вашего визита истекло.

Поскольку куклы безжалостно выпроваживали гостя, Тинфану ничего не оставалось, кроме как подняться.

— Ладно, Уцюэ, мне пора. Береги себя. Приду через месяц.

— Иди уже. Со мной все отлично. Передай учителю, Лин Сяо и бабушке, чтобы не волновались.

Проводив друга, Уцюэ в мгновение ока расправился с оставшимися поленьями и пулей влетел на кухню, решив временно сменить топор на поварешку.

Обычно еду в Парящем дворце готовили бездушные куклы. Специи они отмеряли со скрупулезной точностью весов, отчего вкус блюд годами оставался неизменным, пресным и унылым. Уцюэ давно бы взял бразды правления у очага в свои руки, но положение вынужденного гостя обязывало соблюдать приличия. Теперь же у него появился весомый повод развернуться вовсю.

Завидев марионетку, которая несла обратно нетронутый поднос с ужином Бессмертного, Уцюэ преградил ей дорогу:

— Снова ни крошки? Совсем нет аппетита?

— Хозяин в последнее время совсем не притрагивается к еде, — отозвался слуга. — Он может не есть по несколько дней.

— Так и до истощения недолго! — Уцюэ решительно засучил рукава и шагнул к плите. — Силы надо поддерживать. Раз уж он пропустил ужин, то от легкого ночного перекуса точно не откажется.

— Хозяин никогда не ест по ночам.

— Для больных правила не писаны, — возразил юноша, принимаясь бодро замешивать тесто. — Бабушка всегда говорила, что правильная еда лечит лучше любых микстур. Я попробую приготовить кое-что легкое. Отнесем ему, вдруг согласится отведать.

Уцюэ с воодушевлением принялся за дело. Он приготовил нежные пряные пироги, обжарил до золотистой корочки сладкие колобки и сварил густой десертный суп из луковиц лилии. Поскольку характер недуга Хэ Бугуя оставался тайной, повар на всякий случай добавил в сладости целебные травы общего действия — от них вреда точно не будет. А чтобы угодить Бессмертному, если тот вдруг окажется не любителем сладкого, Уцюэ томил на медленном огне ароматный суп из старой курицы с добавлением горного женьшеня.

Когда работа на кухне была закончена, на ночном небе уже вовсю сияла полная луна.

Уложив посуду в тяжелый лаковый короб, Уцюэ лично направился к покоям хозяина дворца.

Главный чертог Парящего дворца сиял огнями, разгоняя ночную тьму.

На пороге его встретил непреклонный Кунчжи:

— Хозяин приказал никого не впускать. Я передам ему ваши пожелания, но время перевалило за полночь. В такой час хозяин не станет принимать пищу.

— В том-то и суть, что это ночной перекус! — Уцюэ легонько постучал по крышке короба. — Самое время для него. Эй, пусти!..

Но слуга стоял насмерть, перегородив проход вместе со стражниками. Ломиться силой ради того, чтобы просто всучить ужин, было верхом глупости и наглости, но и возвращаться ни с чем после стольких трудов Уцюэ не желал. Больному человеку нужны силы, как этого не понять бездушным куклам!

Уцюэ сделал пару шагов назад, недовольно покачал головой и, набрав в грудь побольше воздуха, во все горло заорал на весь двор:

— Ученик Юй Уцюэ приветствует Бессмертного Тайвэя! Я приготовил несколько целебных блюд для вашего скорейшего выздоровления! Прошу вас, отведайте ужин!

Кунчжи лишился дара речи.

— Бессмертный Тайвэй! Если вы промолчите, я сочту это за знак согласия и войду! — не унимался наглец.

Кунчжи нахмурился, его терпение таяло на глазах:

— Прекратите этот балаган, молодой господин, иначе я прикажу страже вышвырнуть вас отсюда.

Но Уцюэ, обладавший поистине непробиваемой броней вместо совести, продолжал кричать в закрытую дверь:

— Я вхожу! Слышите?

— Бессмертный Тайвэй?

— Шицзунь?..

В ответ не раздалось ни звука. Во дворце царила мертвая, неестественная тишина — за глухими стенами не было слышно даже привычного мерного шороха шестеренок.

Хэ Бугуй терпеть не мог шума. То, что после столь беспардонного крика изнутри не прилетело карающее заклинание или хотя бы гневный окрик, было крайне подозрительно.

Кунчжи переглянулся с безмолвным Кунъю. В его глазах промелькнула тревога. Подойдя ближе, он осторожно постучал в массивную створку:

— Хозяин?

Уцюэ тут же проскользнул следом за ним:

— Может, заснул крепко?

— Не думаю, — покачал головой слуга, хмурясь все сильнее. — Но почему тогда...

— Раз он болен, мало ли что могло случиться! Вдруг ему стало совсем худо, а вы тут стоите и гадаете? Открывай скорее!

— Нам строго запрещено входить без приказа.

— Да пропади упрямство вашей механической головы! — вспыхнул юноша. — Я сам войду. В крайнем случае получу еще десяток плетей, мне не привыкать!

— Постойте, не смейте...

Но Уцюэ уже навалился плечом на тяжелую дверь, и та с глухим скрипом поддалась.

Створки распахнулись.

Очередной крик застрял у юноши в горле. Прямо перед ним на холодном полу без чувств лежал человек.

Роскошные черные волосы Хэ Бугуя разметались по каменным плитам густым шелком. На нем была лишь тонкая белоснежная рубаха. Судя по бледности лица, он лишился чувств довольно давно, однако даже в беспамятстве его пальцы судорожно сжимали тонкий стальной резец для дерева.

<http://bllate.org/book/20165/2131541>